

*Посвящается Саски,
которая напоминала мне,
что я способна на все.*

Глава первая

Лондон, конец января 1645 года

Смерть — это песня. И хотя мне с самого рождения был знаком ее ритм, он и сейчас заставляет меня вздрагивать. В окне на первом этаже колышутся шторы. Через несколько мгновений дверь отцовского дома распахивается, и Стивенс, папин камердинер, торопливо шагает в мою сторону. Он постарел за те несколько месяцев, что мы с ним не виделись, и словно стряхивает с себя сутулость, как нежеланный груз.

— Николас, — мягко говорит он, теребя черную траурную ленту, повязанную на плече.

— Он скончался? — Мрачное выражение на лице Стивенса лишает меня всякой надежды, и я роняю дорожную сумку на пол. Именно он написал мне, что Фрэнсис заболел лагерным тифом. — Дороги из Оксфорда затопило. Если бы не это, я бы приехал раньше...

— Даже к лучшему, что вы задержались, — бормочет он. — Вы бы его не узнали.

Стивенс дрожит и одергивает свою ливрею. Он замерз, а я устал после целого дня в пути, но ни один из нас не предлагает другому пройти в дом. Вот что такое смерть. Натянутые приветствия и любезности, которые не слишком помогают в том, чтобы скрыть правду: Фрэнсис умер. Мой брат умер.

Стейси Фломас

Поморщившись, Стивенс проводит меня через серебряную подкову, прибитую к порогу: средство борьбы с магией, которое, как считается, не позволяет ведьмам войти внутрь. Подобные зрелища были редкостью, когда на лондонском троне восседал король Карл. Большинство английских ведьм были казнены во время правления его отца, короля Якова. Но война довела людей до отчаяния, и газеты пестрят заметками о людях, продавших душу дьяволу в обмен на магические способности.

Все блестящие поверхности в коридоре дома занавешены черным шелком. Уезжая в Оксфорд в прошлом году, чтобы продолжить там свою учебу, я даже не предполагал, что когда-нибудь вернусь. Король Карл покинул Лондон после неудачной попытки арестовать за государственную измену своих самых ярых критиков из Палаты Общин. За три года, прошедших под его правлением, его штаб-квартира в Оксфорде превратилась в дворцовые руины, наводненные нечистотами и заполненные солдатами, придворными и смертью. Несмотря на это, я не скучал по дому. Но вот я снова здесь, в его полумраке.

Я выпрямляю спину, внезапно осознавая, что мне следует нести себя с достоинством в доме, где я провел большую часть жизни, прячась в тени. Явно удовлетворенный этим зрелищем, Стивенс поднимается по винтовой лестнице.

Сладкий, приторный запах, висящий в воздухе, липнет ко мне, словно мед, и тянет меня в гостиную. Отец и его жена, миссис Софи Пирс, сидят друг напротив друга, склонив головы над его величайшим достижением, лежащим теперь между ними. Я подхожу к своему брату, которому всегда будет семнадцать. Увенчанный гиацинтами, он лежит в гробу из темного вяза. Несмотря на холод, пощипывающий мою кожу, словно ледяной сквозняк, воздух

Жемные празднества

пропитан его разложением. Приподняв голову, я моргаю, глядя на свет, и отец, отмечая мое присутствие, бросает на меня короткий взгляд.

— Вы приехали, — замечает моя мачеха, и я делаю осторожный шаг в ее сторону. Утрата пошатнула ее величавую осанку и слишком рано посеребрила пряди ее каштановых волос.

— Мадам, я соболезную вашей потере. — И другим потерям тоже: речь о младенцах, которые умерли еще до того, как отец смог дать им имена.

— Вы так добры, — отвечает она мне, и дрожь в ее голосе — намек на раздражение, которое она всегда испытывала, будучи вынужденной воспитывать меня вместе со своим родным сыном.

Отец снова встречается со мной взглядом.

— Я поговорю с тобой наедине. — Он поворачивается к жене. Та сжимает кулаки и прислоняется лбом к гробу Фрэнсиса. — Нашему сыну нужны были заклинания, а не церковные службы, — резко добавляет он. Существует поверье, что после смерти душа человека разбивается на кусочки. Считалось, что ведьмы ловят то, что осталось, и способны воскресить усопшего, прошептав заклинание сквозь петлю в нити и затянув узелок. Покойный король Яков сделал подобную практику преступлением, достойным наказания в виде повешения, так что потерявшим родных для успокоения души оставалось лишь молиться.

Она бросает на отца испепеляющий взгляд, но тот никак не реагирует. Поверженная, Софи встает, и из-под ее темного подъюбника показываются розочки на туфлях, напоминающие незаживающую рану.

— Его больше нет, — говорит отец, когда мы оказываемся наедине, и удивленно смотрит то на меня, то на моего умершего брата. Нас разделяло всего шесть меся-

Стейси Фломас

цев, и, несмотря на то, что общей в нас была лишь отцовская кровь, мы были достаточно похожи, чтобы сойти за близнецов. Мое присутствие лишний раз об этом напоминало.

— Мне так жаль. — Его сжатые кулаки — словно мягкое предупреждение. Он никогда и ничего от меня не ждал, даже сочувствия. Мужчина проводит пальцами по редееющим седым волосам. — Его предательство дорого ему обошлось. А смерть — еще дороже.

Я гляжу на брата, не желая верить, что отец все еще зол по поводу денег, которые он заплатил Парламенту, чтобы тот проигнорировал побег Фрэнсиса с целью примкнуть к армии роялистов.

Когда я поднимаю глаза, скорбная гримаса на лице отца превращается в презрительную усмешку. Я вжимаю подошвы ботинок в турецкий ковер, чтобы прийти в себя.

— Мой сын погиб смертью солдата, пока ты тратил время на написание пьес.

Как же легко прощают умерших.

— Слова нельзя недооценивать. За них ведутся битвы, — отвечаю я, напоминая о жестоком сопротивлении, с которым столкнулся король Карл, когда попытался навянуть своим шотландским подданным обновленный молитвенник.

— Борьба идет не за слова, — возражает отец, и мы оба хватаемся за эту передышку от потери, лежащей между нами.

— А война не имеет никакого отношения к деньгам, — парирую я прежде, чем он сможет в очередной раз высказать мне свою избитую критику в адрес склонности короля к обложению незаконными налогами. — И к тому, что король превышает свои пол-

Жемные празднества

номочия или не способен и дальше реформировать Церковь Англии. Речь о власти, и неважно, какие аргументы предъявляют Парламент и король. Его Величество набрал себе больше, чем ему полагается, и мы все за это боремся.

— Ты никогда ни за что не боролся, — произносит он со знакомой ухмылкой. Я для него — не более чем попрошайка. Богато одетый и образованный, но всего лишь попрошайка.

— Мне предложили работу, — сообщаю я, сжимая кулаки, чтобы успокоиться.

— И что нужно делать? — удивленно спрашивает он.

— Писать.

Он усмехается.

— Где? Лондонские театры за последние три года закрывались. Королева, похоже, не собирается возвращаться из Франции, а роялисты в Оксфорде хотят хлеба, а не зрелищ.

Отец складывает руки на груди, и я заставляю себя продолжить разговор. Я рассказываю папе о своей дружбе с мистером Додмором Роупером. Мы вместе учились в Оксфорде, и он бросил учебу, чтобы заняться развлечениями для королевы.

— Он купил одну из моих пьес и пообещал мне работу при дворе роялистов во Франции.

Отец вздыхает.

— Ты такой же, как твоя мать. Она тоже всегда возлагала надежды на красивые слова и ложные обещания.

Я стараюсь не демонстрировать своего удивления. Я мало что знаю о своей матери. Она умерла спустя несколько дней после моего рождения, и отец никогда не старался рассказать о ней достаточно, чтобы я воспринял ее как реального человека.

Стейсу Фломас

Мимолетное воспоминание о Фрэнсисе заставляет меня наклонить голову так, как сделал бы и он.

— Вот так ты ее и покорил?

Отец смеется, но по тому, как он сверлит меня взглядом, я понимаю, что задел его.

— Я встретил ее во время путешествия и привез с собой.

— И? — Я ощущаю, как меня гложет тоска.

— Я женился на твоей мачехе месяц спустя. Наши пути с твоей мамой разошлись, когда она обо всем узнала. У нее были более грандиозные планы. — Он отмахивается от этого воспоминания.

— Как ее звали? — умоляюще спрашиваю я, но он лишь стучит костяшками пальцев по стулу, не желая еще больше углубляться в прошлое.

— Мое снисходительное отношение к твоим поэтическим амбициям было лишь данью ее памяти, но после смерти твоего брата я его утратил. — Отец достает из дублета запечатанный свиток. — Теперь все, что однажды принадлежало Фрэнсису, — твое, — заявляет он.

Пергамент легкий, словно перышко, но мои руки дрожат под его весом. Законность моего положения подтверждают небрежная подпись отца и печать Парламента, но эта награда меня не радует. Это — лишь вынужденный дар, связанный со смертью моего брата, впрочем, я не торплюсь выпускать его из рук.

— Твоя жена никогда не позволит мне занять его место.

— Софи уже смирилась с ситуацией, — говорит он, и я замечаю на его руке след от укуса. Наши взгляды встречаются, и я с содроганием вспоминаю осанку Софи и ее рыжие локоны.

— Поползут слухи. Люди меня не примут.

Железные празднества

— Я научу тебя пробивать себе путь, — усмехается он. Когда началась война, отец сразу же заявил о том, что встал на сторону Парламента, чья поддержка людей среднего класса дала ему шанс проявить себя в чем-то новом, чем-то королевском. Он провозгласил себя торговым королем, и никто не будет проверять его происхождение.

— Ты собираешься принять предложение мистера Рупера?

Я ловлю на себе его взгляд и задумываюсь, как можно спрашивать о подобном, когда между нами лежит умерший человек.

— А как иначе?

Заметив мой удивленный взгляд, он продолжает:

— Я узаконил твое положение, чего еще можно пожелать?

Хотя Стивенс сделал мою жизнь здесь сносной, именно благодаря Фрэнсису я чувствовал себя как дома. Без него все это было бы не более чем подобием склепа, пленником которого мне совсем не хотелось становиться.

— Прости, что не смог стать тебе лучшим сыном.

— Твоя мама... — Он улыбается, когда я поднимаю глаза. — Спроси меня о ней что-нибудь. Ее любимое стихотворение, драматург... ее имя, — поддразнивает он меня, а потом в повисшей тишине достает перо и бумагу из стоящего рядом шкафчика. Он что-то нацарапывает на клочке бумаги и машет им над телом Фрэнсиса. — Ее имя, — повторяет он, когда я вскакиваю, чтобы его заполучить, — начиналось на букву «Г».

Он прижимает листок кулаком, словно пресс-папье, и я довольствуюсь лишь тем, что провожу пальцем по изгибу буквы.

— Остальное получишь за те годы, что будешь обучаться делу.

